www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.3

UDC 340.111.52:340.153
LBC 67.3(4)4

Submitted: 19.02.2026
Accepted: 01.06.2026

ANIMALS AS LEGAL SUBJECTS: THE EXPERIENCE OF MEDIEVAL JUSTICE

Vsevolod A. Kabanov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Introduction: the issue of animal legal personality is one of the debatable questions in modern jurisprudence. Within the anthropocentric paradigm, humans are regarded as the only beings capable of being legal subjects by virtue of their cognitive abilities. However, historical-legal research clearly demonstrates that the configuration of the legal subject is not an immutable given; rather, it is the result of a choice made at a particular bifurcation point. The paper analyzes an alternative project of legal personality that was widespread in the Middle Ages and based on recognizing animals as full participants in judicial proceedings. **Purpose:** through the analysis of secular and ecclesiastical animal trials in the Middle Ages, identify the socio-cultural grounds for endowing "non-human" agents with legal personality and trace the logic of the shift away from this paradigm in the Modern period. **Methods:** the methodological framework combines the historical-legal method with the bifurcation approach to the study of the history of state and law. **Results:** the study reconstructs the procedural features of medieval animal trials using the examples of cases in France (1386 and 1457), as well as trials of moles in Stelvio (1519) and rats in Autun (1522). It establishes that animals were treated by the courts as independent agents possessing free will and were granted corresponding procedural rights. The study also identifies the anthropological and socio-philosophical prerequisites for excluding animals from the circle of legal subjects in the Modern period, associated with the Cartesian thesis of animal automatism and the establishment of subject-object topology that set humans against nature. **Conclusions:** the experience of medieval justice demonstrates the fundamental possibility of a different configuration of legal personality, not rigidly linked to the presence of human reason. Overcoming the modern thesis of animal automatism and taking into account modern scientific data allow raising the question of partially granting legal personality to animals, provided that such innovations are legitimized in the legal consciousness of society.

Key words: animal legal personality, history of law, medieval justice, animal trials, anthropocentrism, legal subject, animal automatism, bifurcation approach.

Citation. Kabanov V.A. Animals as Legal Subjects: The Experience of Medieval Justice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 20-26. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.3

УДК 340.111.52:340.153
ББК 67.3(4)4

Дата поступления статьи: 19.02.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

ЖИВОТНЫЕ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА: ОПЫТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВОСУДИЯ

Всеволод Алексеевич Кабанов

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Введение: проблема правосубъектности животных является одним из дискуссионных вопросов современной юриспруденции. В рамках антропоцентристской парадигмы человек рассматривается как единственное существо, способное быть субъектом права в силу своих когнитивных способностей. Вместе с тем историко-правовые исследования наглядно демонстрируют, что конфигурация правового субъекта не является неизменной данностью. Напротив, она представляет собой результат выбора, совершенного в определенной точке бифуркации. В настоящей работе анализируется альтернативный проект правосубъектности, получивший распространение в Средневековье и основанный на признании животных полноценными участниками судебного процесса. **Цель:** на основе анализа светских и церковных судебных про-

© Кабанов В.А., 2026

цессов над животными в Средние века выявить социокультурные основания наделения «нечеловеческих» агентов правосубъектностью и проследить логику смены данной парадигмы в Новое время. **Методология исследования** базируется на использовании историко-правового метода в сочетании с бифуркационным подходом к изучению истории государства и права. **Результаты:** в ходе исследования реконструированы процессуальные особенности средневековых судов над животными на примере дел во Франции 1386 и 1457 гг., а также процессов над кротами в Стельвио 1519 г. и крысами в Отене 1522 года. Установлено, что животные рассматривались судами как независимые агенты, обладающие свободной волей, и наделялись соответствующими процессуальными правами. Выявлены антропологические и социально-философские предпосылки исключения животных из круга субъектов права в Новое время, связанные с картезианским тезисом о животном автоматизме и утверждением субъектно-объектной топики, противопоставившей человека и природу. **Выводы:** опыт средневекового правосудия демонстрирует принципиальную возможность иной конфигурации правосубъектности, не связанной жестко с наличием человеческого разума. Преодоление модерного тезиса о животном автоматизме и учет данных современной науки позволяют поставить вопрос о частичном наделении животных правосубъектностью при условии легитимации таких новаций в правосознании общества.

Ключевые слова: правосубъектность животных, история права, средневековое правосудие, судебные процессы над животными, антропоцентризм, субъект права, животный автоматизм, бифуркационный подход.

Цитирование. Кабанов В. А. Животные как субъекты права: опыт средневекового правосудия // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 20–26. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.3

Введение

Одним из проблемных и дискуссионных вопросов современной теории правосубъектности является признание животных субъектами права. Особое место занимает позиция, согласно которой животные не могут быть правосубъектными в силу отсутствия у них необходимых естественных предпосылок наделения правосубъектностью. Данная точка зрения высказывалась в работах Г.М. Лановой [8, с. 10–11], Д.Б. Горохова [3, с. 69], И.Б. Ломакиной и И.Л. Честнова [10, с. 33–34]. В рамках антропоцентристской парадигмы человек постулируется как единственное существо, которое в силу своих когнитивных способностей и склонности к социальной организации быть субъектом права. Ж.-М. Шеффер предлагает обозначать подобное утверждение как «тезис о человеческой исключительности» [16, с. 10].

Преодоление тезиса, как представляется, может происходить двумя путями. Первый, выбранный Ж.-М. Шеффером, предполагает обращение к новейшим данным биологии, этологии и нейрофизиологии, позволяющим продемонстрировать относительные, а не абсолютные отличия человека от иных видов животных. Второй путь, напротив, стремится к социо-правовому рассмотрению правосубъектности, где исключительность человека как субъекта права рассматривается как конструкция, обусловленная культурой конкретного социума.

В рамках настоящей работы предлагается сосредоточиться на социокультурном измерении правового субъекта, а именно обратиться к его исторической генеалогии. Как отмечают И.И. Биюшкина и С.В. Кодан, многие характеристики, свойственные правовой, и шире социальной, системе, являются результатом выбора из нескольких альтернативных вариантов, ранее произведенного в точке бифуркации [2, с. 19]. Тем самым диахроническое рассмотрение правового субъекта позволяет не просто указать на неразрывную связь конфигурации субъекта и социокультурных оснований порождающего его общества, но и выявить альтернативные концептуализации правосубъектности, существовавшие до завершения процесса бифуркации.

Судебные процессы над животными как часть средневековой правовой культуры

В качестве подобной добифуркационной эпохи следует рассматривать Средние века, где границы правосубъектности, в отличие от Нового времени, не ограничивались исключительно людьми и их сообществами. Неотъемлемой частью правовой культуры Средневековья были судебные процессы над животны-

ми. Как заключает Я.А. Канторович, в судах над животными «весьма рельефно отразился дух средневековой юстиции» [7, с. 3].

Это органично вытекает из иного понимания права, которое было присуще Средневековью. Господствовала парадигма естественного права: право рассматривалось не как формально определенные властные предписания, но как универсальный, пронизывающий мироздание порядок. Вследствие этого в средневековой правовой культуре, как замечает А.Я. Гуревич, «всякий род живых существ и даже вещей имеет свое собственное право» [4, с. 149].

Согласно О.И. Тогоевой, процессы над животными носили преимущественно уголовно-правовой характер, тогда как вред и убытки, причиненные животными, возмещались их хозяевами в рамках института гражданско-правовой ответственности [15, с. 408]. Посредством осуждения животного прежде всего осуществлялась символическая справедливость, что способствовало восстановлению естественного порядка и предотвращало конфликты в средневековом обществе.

Дж. Гирген подчеркивает, что традиционной является классификация, устанавливающая разделение судебных процессов над животными на светские и церковные [17, p. 99]. Они отличались как по субъектному составу, так и по кругу подсудных деяний. В светских судах разбирались дела, в рамках которых речь шла о причинении отдельным животным смерти или вреда здоровью человеку. В церковных – дела, где обвиняемыми являлись неопределенные индивидуально животные (пчелиный рой, стая саранчи и т. д.), а в качестве потерпевшего рассматривалось общество в целом.

Среди животных – участников светского судебного процесса свиньи были наиболее представлены, поскольку в сравнении с такими животными, как лошади или коровы, они были менее ценны и спокойно отпускались на свободный выгул. Одним из наиболее документально запечатленных примеров, как указывает М. Пастуро, является дело, имевшее место в 1386 г. в Фалезе [12, с. 29]. Свинья, обглодавшая лицо и руку ребенка, чем привела к его смерти, была приговорена судом к повешению с предварительным нанесением аналогичных увечий. Во время казни, проходившей публично, в присутствии не только людей, но и других свиней, животное было одето в мужской костюм и маску [12, с. 29]. Повешение произвели вниз головой за ноги, после чего тушу дополнительно удушили, протащили за лошадью по площади и, наконец, сожгли [12, с. 30].

Схожий судебный процесс был организован в 1457 г. в местечке Савиньи-сюр-Этан. Свиноматка обвинялась в том, что вместе со своими шестью поросятами убила и съела ребенка, в чем она призналась под пыткой [12, с. 33]. Как подчеркивает В.В. Хайд, суд при рассмотрении дела учел, что поросята находились под дурным влиянием матери и в силу малолетства не осознавали своего деяния, и приговорил к казни только свинью [18, p. 707].

Нельзя не отметить серьезность указанных выше светских судебных процессов. Суды придерживались установленной процедуры, а также обращали особое внимание на субъективную сторону совершенных деяний. Животные рассматривались как независимые агенты, обладающие свободной волей и способные нести юридическую ответственность.

Церковное судопроизводство также отличалось строгой регламентацией. Среди прочего подсудные животные наделялись всеми необходимыми процессуальными правами, например, правом на защитника. Так, в 1519 г. в Стельвио рассматривалось дело кротов, обвиняемых в порче посевных полей. Интересы животных, как отмечает Дж. Гирген, представлял адвокат, а суд основывался на свидетельских показаниях очевидцев [17, p. 102]. В качестве контраргумента на требование судьи о выселении кротов, защитник апеллировал к опасностям такого путешествия в силу наличия хищников, являющихся естественными врагами кротов [17, p. 102]. Результатом разбирательства стало компромиссное судебное решение: местные власти обязались обеспечить животным безопасный коридор для выхода, предоставив до двух недель на эвакуацию уязвимым группам, а именно пожилым кротам и животным с малолетними детенышами [17, p. 102].

Не менее знаменателен прошедший в 1522 г. в Отене церковный суд над крысами, которых обвиняли в потраве ячменя. Их за-

щитник, юрист Б. де Шасеньё, блестяще использовал процессуальные нормы, чтобы спасти подзащитных. Согласно М. Слабберт, после первой неявки крыс на процесс он заявил, что вызов был произведен ненадлежащим образом, поскольку крысы живут по разным приходам, и суд распорядился огласить вызов во всех близлежащих церквях [19, p. 162]. После второй – сослался на дальность и трудность пути и попросил перенести заседание [19, p. 163]. После третьей – заявил, что крысы готовы явиться, но не могут, так как потерпевшие держат кошек, угрожающих жизни подзащитных [19, p. 163]. В итоге, признав аргументы защиты уважительными, суд бессрочно отложил рассмотрение дела.

Описанные церковные процессы также демонстрируют безусловное признание агентности и сознательности животных. Животные, наделенные правами на защитника и надлежащее извещение, в рамках суда приравниваются в своем процессуальном статусе к человеку.

Новое время и переосмысление правового субъекта

Если средневековая правовая культура не проводила артикулированной границы между людьми и «нечеловеческими» агентами, то где проходит точка бифуркации, после которой идея правосубъектности животных стала сомнительной per se? Когда животные окончательно потеряли правовой статус, но обрели режим регулирования?

Представляется корректным говорить, что движение к овеществлению животных началось в эпоху Нового времени, когда, как указывает Д.Ю. Полдников, выстраивалась система мифологем, ставшая «идеологическим источником позитивного права» [13, с. 8]. Именно тогда, как отмечает В.И. Павлов, господствующей в социальном и правовом дискурсах стала идея, что «человек должен владеть природой» [11, с. 143]. Жесткая субъектно-объектная топика, в рамках которой человек противопоставляется всему основному миру, резко понизила юридический и онтологический статус животных, сведя их природу к неодушевленным предметам. Согласно Р. Декарту, одному из влиятельнейших мыслителей Нового времени, можно говорить «не только о том, что животные менее одарены разумом, чем люди, но и о том, что они вовсе его не имеют» [5, с. 81]. В картезианстве появляется представление о животном автоматизме, то есть, идея, что животные полностью лишены свободной воли и действуют по принципу механизма.

Помимо ревизии представлений о животной и человеческой природах отказу от концепции правосубъектности животных поспособствовало переосмысление понятия общества. Если доновременной социум исходил из признания единства взаимодействия человеческих и нечеловеческих агентов, то в модерности природа и общество оказываются разъединены и даже противопоставлены. Если использовать терминологию Б. Латура, можно обозначить текущее состояние дел как сочетание имманентности общества и трансцендентности природы [9, с. 126]. Общество, состоящее из людей, рассматривается как пространство свободы и договора, тогда как природа, выносимая за скобки социального, переходит в разряд устойчивой и подчиненной законам сущности.

Если сравнивать средневековое и модерное понимание правосубъектности, то нельзя не отметить некоторую противоречивость тезисов, лежащих в основании последнего. Отрицание за животными сознательной деятельности входит в противоречие с данными современной когнитивной науки. В частности, ученые заявляют о наличии развитого сознания у приматов [1, с. 67–68] и дельфинов [14, с. 94]. Идея же о разделении социального и природного оказывается дискредитированной в силу многочисленных экологических проблем, с которыми сталкивается современное человечество. Вымирание видов, загрязнение окружающей среды – все это указывает на сложное и неразрывное переплетение судеб людей и «нечеловеческих» агентов, где человек оказывает огромное влияние на природу и ее закономерности, а последняя играет активную роль в формировании и функционировании социума.

Заключение

С учетом произведенного историко-генеалогического исследования можно сделать вывод об относительном, а не абсолютном

характере конфигурации правового субъекта, предлагаемой модерном. Тем самым опыт средневекового правосудия как альтернативный проект концептуализации правосубъектности может оказаться весьма полезным для современной юридической науки. Разумеется, воспроизведение средневековой практики осуществления уголовного правосудия над животными не является необходимым или разумным для современных правопорядков. Однако вполне возможным следует признать правосубъектность животных, включающую их право на защиту законных интересов в рамках гражданского процесса и осуществляемую при помощи института законного представительства.

При этом необходимо учитывать, что любая новация должна обладать легитимностью внутри правопорядка. Можно солидаризироваться с позицией В.В. Денисенко и А.А. Донских, что далеко не каждое правовое регулирование «может оказывать положительное воздействие на ту или иную проблемную ситуацию» [6, с. 219]. Для успешного решения вопроса о правосубъектности животных требуется опираться на ценностные основания права, разделяемые как юридической корпорацией, так и населением в целом. Тем самым данная проблема на текущий момент остается не полностью разрешенной и требует дальнейшей интенсивной дискуссии среди представителей науки государства и права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аниндья, С. Есть ли у животных сознание? (Интервью) / С. Аниндья, В. Г. Лысенко // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21, № 1. – С. 66–77.
2. Биюшкина, Н. И. Бифуркационный подход в изучении истории государства и права: понимание и методологическая конструкция / Н. И. Биюшкина, С. В. Кодан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 4 (56). – С. 12–22.
3. Горохов, Д. Б. Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений» / Д. Б. Горохов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 45–78.
4. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 322 с.
5. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Р. Декарт. – М. : АСТ, 2019. – 320 с.
6. Денисенко, В. В. Легитимация правового регулирования с позиции различных теорий права / В.В. Денисенко, А. А. Донских // Образование и право. – 2023. – № 11. – С. 218–223.
7. Канторович, Я. А. Процессы против животных в Средние века / Я. А. Канторович. – СПб. : Юрид. б-ка, 1897. – 58 с.
8. Лановая, Г. М. Легализация прав животных: Pro et Contra / Г. М. Лановая // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2025. – № 3 (59). – С. 7–17.
9. Латур, Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – 296 с.
10. Ломакина, И. Б. Постгуманизм как вызов антропологии права / И. Б. Ломакина, И. Л. Честнов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1 (53). – С. 27–37.
11. Павлов, В. И. Генезис модели человека в праве в эпоху Нового времени: методологические возможности и ограничения в контексте утверждения классической рациональности / В. И. Павлов // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 341–345.
12. Пастуро, М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро. – СПб. : ALEXANDRIA, 2012. – 448 с.
13. Полдников, Д. Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 1 / Д. Ю. Полдников // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 6–16. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1
14. Рябов, В. А. Изучение акустических сигналов и предполагаемого разговорного языка дельфинов / В. А. Рябов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Физико-математические науки. – 2016. – № 3 (248). – С. 88–101.
15. Тогоева, О. И. Когда преступник свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия / О. И. Тогоева // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – С. 403–436.

16. Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Ж.-М. Шеффер. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 392 с.

17. Girgen, J. The Historical and Contemporary Prosecution and Punishment of Animals / J. Girgen // Animal Law. – 2003. – Vol. 9. – P. 97–133.

18. Hyde, W. W. The Prosecution and Punishment of Animals and Lifeless Things in the Middle Ages and Modern Times / W. W. Hyde // University of Pennsylvania Law Review and American Law Register. – 1916. – Vol. 64, № 7. – P. 696–730.

19. Slabbert, M. Prosecuting Animals in Medieval Europe: Possible Explanations / M. Slabbert // Fundamina: A Journal of Legal History. – 2004. – Vol. 2004, № 10. – P. 159–179.

REFERENCES

1. Anindya S., Lysenko V.G. Est li u zhivotnykh soznanie? (Interv'yu) [Do Animals Have Consciousness? (Interview)]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 66-77.

2. Biyushkina N.I., Kodan S.V. Bifurkatsionny podkhod v izuchenii istorii gosudarstva i prava: ponimanie i metodologicheskaya konstruktsiya [Bifurcation Approach in Studying the History of State and Law: Understanding and Methodological Construction]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2021, no. 4 (56), pp. 12-22.

3. Gorokhov D.B. Problemny rezultat otechestvennogo pravotvorchestva: zakonodatelnoe ustanovlenie okhrany «zhizni ili zdorov'ya zhivotnykh i rasteniy» [A Problematic Result of Domestic Law-Making: Legislative Establishment of Protection of «Animal and Plant Life or Health»]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, no. 2, pp. 45-78.

4. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972. 322 p.

5. Descartes R. *Rassuzhdeniya o metode* [Discourse on the Method]. Moscow, AST Publ., 2019. 320 p.

6. Denisenko V.V., Donskikh A.A. Legitimatsiya pravovogo regulirovaniya s pozitsii razlichnykh teoriy prava [Legitimation of Legal Regulation from the Perspective of Various Theories of Law]. *Obrazovanie i pravo*, 2023, no. 11, pp. 218-223.

7. Kantorovich Ya.A. *Protsessy protiv zhivotnykh v Srednie veka* [Trials Against Animals in the Middle Ages]. Saint Petersburg, Yurid. b-ka Publ., 1897. 58 p.

8. Lanovaya G.M. Legalizatsiya prav zhivotnykh: Pro et Contra [Legalization of Animal Rights: Pro et Contra]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2025, no. 3 (59), pp. 7-17.

9. Latour B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern. An Essay on Symmetrical Anthropology]. Saint Petersburg, Izd-vo Yevrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2021. 296 p.

10. Lomakina I.B., Chestnov I.L. Postgumanizm kak vyzov antropologii prava [Posthumanism as a Challenge to the Anthropology of Law]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2024, no. 1 (53), pp. 27-37.

11. Pavlov V.I. Genezis modeli cheloveka v prave v epokhu Novogo vremeni: metodologicheskie vozmozhnosti i ogranicheniya v kontekste utverzhdeniya klassicheskoy ratsionalnosti [The Genesis of the Human Model in Law in the Modern Era: Methodological Possibilities and Limitations in the Context of the Establishment of Classical Rationality]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques], 2023, no. 17, pp. 341-345.

12. Pastouro M. *Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekov'ya* [A Symbolic History of the European Middle Ages]. Saint Petersburg, ALEXANDRIA Publ., 2012. 448 p.

13. Poldnikov D.Yu. Kodifikatsiya v stile romano-germanskogo prava v XIX–XX vv.: ot mifologizatsii k ratsionalnoy kritike. Chast 1 [Codification in the Romano-Germanic Tradition in the 19th – 20th Centuries: From Mythologization to Rational Critique. Part 1]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 6-16. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1

14. Ryabov V.A. Izuchenie akusticheskikh signalov i predpolagaemogo razgovornogo yazyka delfinov [Study of Acoustic Signals and the Supposed Spoken Language of Dolphins]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Fiziko-matematicheskie nauki*, 2016, no. 3 (248), pp. 88-101.

15. Togoeva O.I. Kogda prestupnik svin'ya. «Durnye obychai» i nepisannye pravila srednevekovogo pravosudiya [When the Criminal is a Pig. "Bad Customs" and Unwritten Rules of Medieval Justice]. Sokolov P.V., ed. *Mnogolikaya sofistika: nelegitimnaya argumentatsiya v intellektualnoy kulture Evropy Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [The Many Faces of Sophistry: Illegitimate Argumentation in the Intellectual Culture of Medieval and Early Modern Europe]. Moscow, Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2015, pp. 403-436.

16. Shaeffer J.-M. *Konets chelovecheskoy isklyuchitelnosti* [The End of Human Exceptionality]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2010. 392 p.

17. Girgen J. The Historical and Contemporary Prosecution and Punishment of Animals. *Animal Law*, 2003, vol. 9, pp. 97-133.

18. Hyde W.W. The Prosecution and Punishment of Animals and Lifeless Things in the Middle Ages and Modern Times. *University of Pennsylvania Law Review and American Law Register*, 1916, vol. 64, no. 7, pp. 696-730.

19. Slabbert M. Prosecuting Animals in Medieval Europe: Possible Explanations. *Fundamina: A Journal of Legal History*, 2004, vol. 2004, no. 10, pp. 159-179.

Information About the Author

Vsevolod A. Kabanov, Master of Sciences (Law), Postgraduate Student, Department of History and Theory of State and Law, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, Bld. 6, 125047 Moscow, Russian Federation, sevakabanov2020@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-6820-2184

Информация об авторе

Всеволод Алексеевич Кабанов, магистр права, аспирант кафедры истории и теории государства и права, Российский государственный гуманитарный университет, пл. Миусская, 6, стр. 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, sevakabanov2020@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-6820-2184